

НОВАЯ СТРУКТУРА КОМАНДОВАНИЯ В РАМКАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НАТО

Юлия Ляшук

Окончание конфликта между Востоком и Западом облегчило и вместе с тем усложнило положение Европы с точки зрения безопасности. С распадом Советского Союза и прекращением существования Организации Варшавского договора первоначальные цели Организации Североатлантического договора (НАТО), сформулированные и имевшие актуальность в годы «холодной войны», утратили свое значение. Сегодня альянс сталкивается с различными проявлениями международного терроризма, экстремизма, организованной транснациональной преступности, распространением оружия массового уничтожения, которые значительно отличаются от вызовов XX в. Следовательно, возникает необходимость выработки способов противостояния современным рискам в области безопасности, и в этой связи НАТО предпринимает амбициозные шаги в обновлении своей деятельности. Цель этих шагов трансформации — выработать способность альянса в полном объеме реагировать на угрозы современности. В настоящей статье речь пойдет о модернизации структуры командования Атлантического альянса и создании Сил реагирования НАТО (СРН).

В отечественной и российской литературе рассматриваемая тематика — преобразование структуры командования НАТО и создание СРН — пока не получила должного освещения. Имеется несколько работ, которые частично затрагивают эти проблемы, но в большей степени в литературе изложены вопросы по смежным областям. Прежде всего, имеются в виду исследования по эволюции НАТО до принятия руководством блока решений по обозначенным проблемам, расширению альянса, его влияние на европейскую безопасность [3–5]. Новизна предлагаемой статьи во многом определяется характером использованной источниковой базой. В первую очередь, это документы и декларации, принятые на уровне Совета НАТО [8; 10; 11; 13], а также материалы периодического издания *NATO Review* [1; 7; 15].

Лондонская декларация

Исчезновение с европейской карты мощного противника с огромным потенциалом ядерных сил явилось отправной точкой в реорганизации структуры командования Североатлантического союза. С учетом разнородности потенциальных угроз была признана и необходимость переориентации громоздкой военной машины блока на выполнение специ-

фических задач в области реагирования на кризисы.

Состоявшаяся первая встреча в верхах после окончания «холодной войны» была проведена государствами — членами НАТО в г. Лондоне в 1990 г. По итогам работы была принята Лондонская декларация — документ, отразивший состояние миропорядка и роль Североатлантического блока в изменяющейся системе евроатлантической безопасности. В частности, в одном из пунктов документа было зафиксировано, что структура объединенных сил союза и его стратегия радикальным образом изменятся; НАТО будет развертывать на позициях меньшие и реорганизованные регулярные силы, которые будут обладать высокой мобильностью и универсальностью, а также все в большей мере будет полагаться на многонациональные корпуса, составленные из национальных подразделений [8].

Призыв Лондонской декларации к созданию более мобильных и гибких многонациональных сил не был пустым декларативным заявлением. В октябре 1992 г. был создан европейский Корпус быстрого реагирования, ставший первым этапом в модернизации военных сил альянса.

Концепция Многонациональных оперативных сил

В 1994 г. на встрече в верхах в Брюсселе страны — участницы альянса приняли концепцию Совместных объединенных оперативных сил (*Combined Joint Task Forces (CJTF)*), предложенную на рассмотрение в октябре 1993 г. министром обороны США Л. Эспином. (В основополагающем акте, подписанном Россией и НАТО 27 мая 1997 г. в Париже, *Combined Joint Task Forces* именуется Многонациональными оперативными силами (МОС).) МОС представляют собой военные соединения, созданные и структурно оформленные для выполнения определенных оперативно-тактических задач [1; 3, с. 48].

В ходе саммита главы государств и правительств решили, что дальнейшее развитие концепции МОС должно отражать вопрос их готовности предоставлять силы и средства НАТО для проведения операций под руководством Западноевропейского союза (ЗЕС) на основе разовых решений Североатлантического совета. (В соответствии с решениями, принятыми советом Европейского союза в декабре 1999 г. в Хельсинки и в июне 2000 г. в г. Фейре (Португалия), и в связи с развитием ев-

Автор:

Ляшук Юлия Александровна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Челядинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Богданович Алексей Борисович — кандидат исторических наук, начальник кафедры гуманитарных наук Командно-инженерного института Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь

ропейской составляющей в области безопасности и обороны Совет Министров ЗЕС в ноябре 2000 г. в г. Марселе на своем заседании принял ряд решений по передаче оперативных функций организации Европейскому союзу [12].) Концепция была направлена на поддержание процесса формирования европейской идентичности в области безопасности и обороны; она также предполагала в своем составе подразделения стран, не являющихся членами НАТО.

Несомненно, решение о создании МОС явилось важным шагом в реорганизации вооруженных сил НАТО, представлявшим собой логический этап в перестройке военных структур альянса. Можно с уверенностью отметить, что принятие данной концепции в первую очередь было продиктовано изменившейся ситуацией в сфере безопасности в евроатлантическом регионе. Исчезновение противника, от которого, как полагали в НАТО, исходила масштабная угроза, не обеспечило стабильность и безопасность в Европе. Наоборот, как показало время, на географической карте появились региональные конфликты, породившие еще большую опасность, чем противостояние двух сверхдержав. С учетом новых вызовов международной безопасности было принято решение, что многонациональные оперативные силы должны иметь в своем составе формирования, способные осуществлять широкий диапазон задач. Иными словами, кроме неотъемлемой части реализации Североатлантического договора (обеспечение коллективной обороны государств-участников) в «широкий диапазон» включались особые виды задач: оказание гуманитарной помощи, проведение миротворческих операций и операций по поддержанию мира, а также принуждение к миру. Это и подразумевает выполнение операций реагирования на кризисы вне статьи 5 Вашингтонского договора [13].

В основу концепции МОС, разработанной в целях соответствия упомянутым требованиям, положены механизмы командования и контроля для обеспечения эффективного действия сил. Расширенный спектр вариантов реагирования, где возможно участие МОС, естественно, требует организации соответствующих командования и контроля. В данной структуре эта роль отведена штабам МОС, которые создаются на основе ключевых элементов, выделенных головными органами военного управления штаб-квартиры НАТО. Они усиливаются за счет военнослужащих других штабов Североатлантического альянса, а также стран — членов НАТО и стран-партнеров в целях выполнения требований, необходимых для реализации определенной задачи.

Здесь хотелось бы отметить, что в новой Стратегической концепции НАТО 1999 г. было зафиксировано, что внутренняя адаптация означает создание новой структуры командования, включая концепцию МОС [11, р. 6]. После ряда апробаций действенности и правильности концепции МОС (учения «*Allied Effort*» в 1997 г. и «*Strong Resolve*» в 1998 г.) в 1999 г. Североатлантический блок приступил к ее полномасштабному выполнению, включая приобретение необходимых средств тылового и технического обеспечения.

Новая структура командования НАТО

В 2002 г. на Пражской встрече в верхах было принято одно из важнейших решений, заключающееся в модернизации структуры командования НАТО [14, р. 28–29]. Это решение было детализировано в июне 2003 г., когда министры обороны государств — членов НАТО определили форму новой структуры командования альянса [10]. Сегодня данный процесс можно охарактеризовать как один из ключевых составляющих элементов всей трансформации НАТО.

Как полагают в Североатлантическом блоке, новая структура командования должна стать «более гибкой, более рациональной, более эффективной и способной к развертыванию в соответствии с оперативными требованиями для выполнения широкого спектра задач альянса» [7, р. 57]. Как и прежде, структура командования состоит из трех уровней: стратегического, оперативного и тактического. Крупнейшее сокращение коснулось третьего (тактического) уровня сил, где вместо 13 осталось только 6 штабов. Если учесть сокращения, которые коснулись также и второго (оперативного) уровня, то общее число штабов командования уменьшилось с 20 до 11.

Отличие новой структуры стратегического командования заключается в том, что в настоящее время она построена на основе функционального, а не географического принципа [15, р. 65]. На первом уровне создано только одно стратегическое командование с оперативными функциями — Командование операций Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО (АСО), возглавляемое Верховным главнокомандующим ОВС НАТО в Европе (SACEUR) генералом Дж. Краддоком (с 7 декабря 2006 г.) и располагающееся в г. Касто (Бельгия). На него возложены оперативные задачи, ранее осуществляемые как Командованием ОВС НАТО в Европе, так и Командованием ОВС НАТО на Атлантике. В соответствии с решением Пражского саммита [14, р. 28–29] Командование ОВС НАТО на Атлантике переименовано в Командование трансформации ОВС НАТО (ACT), являющееся вторым командованием стратегического уровня с прежней штаб-квартирой в г. Норфолке (штат Вирджиния, США), которым руководит Главнокомандующий трансформации ОВС НАТО (SACT) генерал-лейтенант Л. Смит. В ведении ACT находятся вопросы военной модернизации сил и средств Североатлантического блока, совершенствования подготовки личного и командного состава, разработки концепций и доктрин, а также содействия укреплению оперативной совместности в рамках альянса [15, р. 65]. Оба командования возглавляют американские генералы, занимающие одновременно командные должности в Вооруженных силах США. Географические зоны ответственности этих двух командований практически совпадают: SACEUR, как и ранее, руководит Европейским командованием США, а SACT, в свою очередь, одновременно руководит Объединенным командованием ВС США и отвечает за вопросы реорганизации американской армии.

Второй (оперативный) уровень представлен постоянными командованиями ОВС НАТО в г. Брунссуме (Нидерланды) и г. Неаполе (Италия). Они могут руководить операциями мест своей дислокации или формировать штабы МОС наземного базирования. В настоящее время командование в г. Брунссуме обеспечивает, за исключением морского компонента, штаб Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане, а командование в г. Неаполе — штаб НАТО для проведения операций на Балканах. Ко второму уровню также относится и постоянный штаб ОВС НАТО в г. Лиссабоне (Португалия), имеющий, правда, ограниченные возможности. Но, вместе с тем, на его основе может быть сформирован штаб МОС морского базирования [7, р. 57; 15, р. 66–67].

Третий (тактический) уровень состоит из шести «компонентных» командований ОВС НАТО, которые обеспечивают для второго уровня командования управление определенными видами сил — сухопутными, морскими или воздушными. Как правило, «компонентные» командования подчинены командованиям ОВС оперативного уровня, но при необходимости могут быть использованы при проведении операций под другим командованием [7, р. 57; 15, р. 66–67].

При позитивном подходе к итогам реорганизации структуры командования можно заметить исчезновение «перекрестного» управления между командованиями ОВС НАТО в Европе и на Атлантике после передачи руководства всеми операциями АСО. Положительным моментом, по мнению автора, является и четкое разделение функций АСО и АСТ. Тем не менее, это вовсе не означает, что оба командования существуют изолированно друг от друга. Важнейший вопрос, связывающий их, — совместная работа в сфере проверки соответствия сил разработанным стандартам.

Силы реагирования НАТО

Второй по значению инициативой Пражского саммита стало решение о создании Сил реагирования Организации Североатлантического договора (NATO Response Force), которое было конкретизировано на ежегодной встрече министров обороны государств — членов блока в июне 2003 г. [10]. Идея о создании таких сил была выдвинута в 2002 г. в г. Варшаве министром обороны США Д. Рамсфелдом и поддержана другими министрами оборонных ведомств стран — членов НАТО [14, р. 28].

Силы реагирования НАТО имеют непосредственное отношение к преобразованию структуры командования Североатлантического блока. С одной стороны, они являются необходимым элементом в процессе трансформации НАТО, с другой — исполняют роль катализатора преобразования всех вооруженных сил организации. В период «холодной войны» у НАТО были вооруженные силы, обладавшие слабой готовностью к развертыванию, низкой мобильностью и неспособностью к ведению продолжительных действий вне зоны своей ответственности.

В противовес этому сегодняшние СРН представляют собой многонациональные объединенные силы повышенной готовности, передовые в техно-

логическом оснащении и находящиеся в режиме постоянной готовности. Они состоят из сухопутного, авиационного, морского компонентов и компонентов специального назначения (привлекаются в случае необходимости). Состав СРН обновляется один раз в полгода коллективными силами, средствами и ресурсами НАТО после того, как очередные подразделения государств-членов прошли соответствующую аттестацию и подготовку [9]. Очевидным плюсом данного принципа ротации штабов и подразделений национальных вооруженных сил стран — участниц блока является возможность готовить и поддерживать в состоянии повышенной боеготовности большее количество мобильных формирований на территориях стран Североатлантического альянса.

СРН могут начинать развертывание по истечении пяти дней после отдачи приказа и действовать в автономном режиме в течение 30 дней, а также проводить интегрированные межвидовые операции. Оперативное командование Сил реагирования НАТО обеспечивается поочередно тремя штабами оперативного уровня, а управляются они штабами МОС.

Официальная цель Североатлантического блока в создании СРН декларируется в возможности оперативно реагировать на возникающие кризисы различного характера в регионах всего земного шара. В частности, Силы реагирования будут способны выполнять операции как в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора [13], так и вне этой статьи (эвакуация, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, включая связанных с применением химического, биологического, радиологического и ядерного оружия, оказание помощи в условиях гуманитарного кризиса, содействие в ходе проведения антитеррористических операций, предотвращение кризисов). Как отмечал генерал Дж. Джонс, создание Сил реагирования НАТО является важным показателем признания со стороны альянса коренных изменений международной среды безопасности. НАТО нет необходимости содержать массированные силы времен «холодной войны». Сегодня у альянса есть гибкие силы разного уровня готовности, которые лучше подготовят НАТО к реагированию на угрозы в XXI в. [7, р. 57]. На прошедшем 28–29 ноября 2006 г. саммите НАТО в г. Риге было объявлено о полной функциональной готовности Сил реагирования [9]. Введение в действие СРН является конкретным достижением Организации Североатлантического договора.

На практике элементы СРН были развернуты в ходе Олимпийских игр в Греции летом 2004 г., в сентябре 2005 г. итальянский батальон, выделенный для Сил реагирования, контролировал проведение президентских выборов в Афганистане. В октябре 2005 г. многонациональный инженерный батальон и медицинский состав были отправлены в Пакистан, пострадавший от сильнейшего землетрясения, в целях оказания необходимой помощи [6].

В то же время «подводный камень» создания Сил реагирования НАТО кроется в стремлении Соединенных Штатов профессионально играть роль «мирового полицейского». В глобальной политической повестке американской политики стоит цель

вовлечь европейских союзников по НАТО в урегулирование конфликтов за пределами евроатлантического региона, снизив при этом долю своих военных расходов [2, с. 5]. Вторая причина в создании и использовании Сил реагирования НАТО заложена в стремлении альянса доказать свою жизнеспособность в изменившихся условиях международной безопасности.

Таким образом, изменение обстановки в сфере международной безопасности потребовало от руководства Организации Североатлантического договора соответствующих изменений и в военной структуре альянса. Саммит, прошедший в г. Праге в 2002 г., принял решения по двум вопросам, которые, несмотря на их недостатки, можно оценить как два ключевых элемента во внутренней структурной перестройке НАТО.

Стремление руководящих кругов Североатлантического блока создать действенный альянс для новой эры позволило осуществить преобразование структуры командования блока. Военный механизм стал более прозрачен, поскольку АСО руководит

всеми операциями НАТО, а действия АСТ направлены на долгосрочную стратегию, заключающуюся во всесторонней трансформации альянса. Перераспределенные по функциональному принципу обязанности устраняют дублирование в рамках Североатлантического блока. Но нельзя сбрасывать со счетов, что именно такая структура свидетельствует о новом подходе НАТО к решению вопросов безопасности посредством поступательного расширения своих «полномочий» за пределы своей традиционной сферы.

Концепция МОС показала готовность натовских стран предоставлять свои силы и средства для проведения межвидовых операций, а также отразила заинтересованность государств, стремящихся стать членами НАТО, в военно-политическом сотрудничестве в рамках программы «Партнерство ради мира». И, наконец, введение в действие Сил реагирования НАТО в соответствии с запланированным графиком отражает очевидную тенденцию руководящих кругов НАТО к глобализации этой региональной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винсент, Р. Брюссельская встреча в верхах: военные перспективы НАТО // NATO Review. 1994. Зима. С. 7–8.
2. Голубь, С. Силы первоочередного задействования ОВС НАТО – военный инструмент для обеспечения геополитических интересов Запада / С. Голубь, П. Кисиль // Зарубеж. воен. обозрение. 2005. № 4. С. 5–10.
3. Журкин, А.В. Совместные объединенные оперативно-тактические группы (СООТГ) как новый этап реформы НАТО // Актуальные проблемы Европы. 1998. № 2. С. 47–74.
4. Розанов, А.А. Европейская безопасность и НАТО. Минск: Завигар, 2002.
5. Розанов, А.А. НАТО: проблемы трансформации и расширения. Минск: Завигар, 1996.
6. Combined Joint NATO Response Force // Backgrounder. Interoperability for Joint Operations. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2006. P. 6.
7. Jones, J. L. Transforming NATO's Military Structure // NATO Review. 2004. Spring. P. 57–59.
8. London Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London on 5–6 July, 1990: official text. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 1990.
9. NATO Response Force declared fully operational [Electronic resource] // Official Homepage of North Atlantic Treaty Organisation. Mode of access: <<http://www.nato.int/docu/update/2006/11-november/e1129c.htm>>. Date of access: 01.12.2006.
10. Statement on Capabilities issued at the Meeting of the North Atlantic Council in Defence Ministers Session in Brussels [Electronic resource] // Official Homepage of North Atlantic Treaty Organisation. Mode of access: <<http://www.nato.int/docu/basicstxt/treaty.html>>. Date of access: 15.10.2006.
11. The Alliance's Strategic Concept approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. on 23 and 24 April, 1999: official text. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 1999.
12. The Combined Joint Task Forces Concept // NATO Handbook. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 1999. P. 253–255.
13. The North Atlantic Treaty [Electronic resource] // Official Homepage of North Atlantic Treaty Organisation. Mode of access: <<http://www.nato.int/docu/basicstxt/treaty.html>>. Date of access: 15.10.2006.
14. The Prague Summit and NATO Transformation. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2003.
15. Vallance, A. A Radically New Command Structure for NATO // NATO Review. 2004. Spring. P. 64–67.

«Новая структура командования в рамках преобразования НАТО» (Юлия Ляшук)

В статье рассматриваются два вопроса – модернизация структуры командования Организации Североатлантического договора (НАТО) и создание Сил реагирования НАТО (СРН).

Автор подчеркивает, что окончание конфликта между Востоком и Западом усложнило положение Европы с точки зрения безопасности. Сегодня Североатлантический блок сталкивается с новыми вызовами и угрозами – международным терроризмом, экстремизмом, организованной транснациональной преступностью, распространением оружия массового уничтожения, которые количественно и качественно отличаются от «угрозы коммунизма» XX в.

В работе уделено внимание вопросам Лондонской декларации и концепции Многонациональных оперативных сил как этапам реструктуризации командования Объединенными вооруженными силами альянса и формирования Сил реагирования НАТО.

Автор полагает, что исследуемые изменения, начало которым было положено на Пражском саммите в верхах в 2002 г., являются ключевыми элементами внутренней структурной перестройки НАТО и важными процессами трансформации всего Североатлантического альянса.

В то же время «подводный камень» создания Сил реагирования НАТО кроется в желании Соединенных Штатов профессионально играть роль «мирового полицейского». Другую причину создания и использования СРН автор видит в стремлении альянса доказать свою жизнеспособность в изменившихся условиях международной безопасности.

В заключение делается вывод о том, что изменение структуры командования Объединенными вооруженными силами альянса и приведение в полную оперативную готовность Сил реагирования свидетельствуют о новом подходе НАТО к решению вопросов безопасности через постепенное расширение «полномочий» за пределы своего традиционного (евроатлантического) региона, что отражает очевидную тенденцию руководящих кругов НАТО к глобализации этой региональной организации.

«A New Command Structure for a Transformed NATO» (Yuliya Lyashuk)

The article deals with two issues: the modernisation of the North Atlantic Treaty Organisation (NATO) command structure and the NATO Response Force (NRF) creation.

The author underlines that the European security has not been improved after the end of the conflict between the East and the West. Today the Alliance faces new threats such as international terrorism, extremism, transnational criminality, proliferation of weapons of mass destruction which are completely different from the «threat of the communism» of the XX century.

In the article attention is also paid to the issues of the London Declaration and the Combined Joint Task Forces concept. They are considered to be the steps towards the transformation of the NATO Allied Forces command and the NRF creation.

The author supposes that the examined changes are the key elements of the inner NATO transformation and the important processes of Alliance's transformation on the whole.

The author believes that the intrinsic wish of the USA to professionally enact the world policeman's role underlies the NRF creation.. Another ambition – the prove the NATO's viability in a changed international security climate – also contributed to the concept.

In the end, the author comes to a conclusion that the modernisation of the Alliance's Allied Forces command structure and the NATO Response Force fully operational readiness shows the new NATO approach towards security issues. This implies that NATO is gradually extending its powers beyond its traditional (Euroatlantic) region. This fact reflects an evident aspiration of the NATO leadership to act on the global level instead of a regional one.